

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.14>

UDC 321.022
LBC 66.05

Submitted: 20.03.2018
Accepted: 25.06.2018

**CLASSICAL CULTURE AND POLITICAL PHILOSOPHY
OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ROMANTICISM
IN THE CONTEXT OF THE SYSTEM APPROACH OF T. PARSONS**

Yuliya S. Chernyakhovskaya

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Today, the topic of correlation between politics and culture, as well as the role of culture in shaping the political consciousness of the audience is actively discussed. However, the answers to the questions are ambiguous. The author proposes to consider the system of culture in the prism of the universal theory of systems of T. Parsons. The aim of the study is to determine the correlation of the role of culture and philosophy in the formation of the individual's ideas about the world, as well as to determine the place of scientific and technical romanticism at the intersection of culture and philosophy. *Methods.* To analyze the essence of classical culture as a system focused on the formation of the political consciousness of the individual, a universal research tool known as the AGIL scheme of T. Parsons have been chosen. Methodological approaches of a number of Russian and Western researchers, such as M. Bunge, V. Mezhuyev, H. Ortega-i-Gasset, etc., have also been used in the work. *Analysis.* In the framework of the research, the author identifies four functions that are characteristic of culture as a system that forms political consciousness: adaptation, integration, goal setting, as well as the preservation and formation of existing latent patterns. Further, the author conducts research of correlation of concepts of classical culture, traditional culture and mass culture. *Results.* Based on the revealed properties of the studied systems, the author reveals cognitive methods and essential characteristics of scientific and technical romanticism as a phenomenon existing at the intersection of philosophy and culture.

Key words: scientific and technical romanticism, classical culture, political culture, political philosophy, AGIL-scheme of T. Parsons, cognitive methods.

Citation. Chernyakhovskaya Yu.S. Classical Culture and Political Philosophy of Scientific and Technical Romanticism in the Context of the System Approach of T. Parsons. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 173-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.14>

УДК 321.022
ББК 66.05

Дата поступления статьи: 20.03.2018
Дата принятия статьи: 25.06.2018

**КЛАССИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА
В ПРИЗМЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА Т. ПАРСОНСА**

Юлия Сергеевна Черняховская

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* На сегодняшний день активно обсуждается проблема соотношения политики и культуры, а также роли культуры в формировании политического сознания аудитории. Однако поставленные вопросы не получили однозначного ответа. Автор статьи предлагает рассмотреть систему культуры в при-

зме универсальной теории систем Т. Парсонса. Цель исследования – вывести соотношение роли культуры и философии в формировании представлений индивида о мире, а также определить место научно-технического романтизма на их пересечении. *Методы.* Для анализа сущности классической культуры как системы, ориентированной на формирование политического сознания индивида, был выбран универсальный исследовательский инструмент – AGIL-схема Т. Парсонса. Также в работе были использованы методологические подходы ряда российских и западных исследователей, таких как М. Бунге, В. Межуев, Х. Ортега-и-Гассет и др. *Анализ.* В рамках исследования автор выделяет четыре функции, характерные для культуры как системы, формирующей политическое сознание: адаптации, интеграции, целеполагания, а также сохранения и формирования не противоречащих уже существующим латентных образцов. Далее проводится исследование соотношения понятий «классическая культура», «традиционная культура», «массовая культура». *Результаты.* На основе выявленных свойств исследованных систем выделяются когнитивные методы и сущностные характеристики научно-технического романтизма как феномена, существующего на стыке философии и культуры.

Ключевые слова: научно-технический романтизм, классическая культура, политическая культура, политическая философия, AGIL-схема Т. Парсонса, когнитивные методы.

Цитирование. Черняховская Ю. С. Классическая культура и политическая философия научно-технического романтизма в призме системного подхода Т. Парсонса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 173–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.14>

Введение. Понятие «классическая культура» оказывается, во-первых, функциональным, то есть само явление есть не статичный объект наследия, а некий своего рода активный субъект (или наделенный функциональностью цивилизационный компонент), исполняющий определенные функции. Во-вторых, классическая культура есть начало, определяющее идентичность цивилизационно-исторического субъекта. В-третьих, для исполнения своей функции данное начало должно быть своего рода признаваемым, то есть культура становится классической в том случае, если сознание человека и социума принимает ее в качестве таковой. Отсюда явление классической культуры как фактора политического сознания выглядит не как абсолютное и статичное, а как динамичное и меняющееся.

Классическая культура – ядро самоидентификации социума, но, не будучи сводимым к абсолюту, оно не может рассматриваться как чисто национальное, особенно для «культур второго рода» – интегративных культур, подобных российской или американской.

Классическая культура в качестве фактора политического сознания через производство базовых латентных образцов формирует субъект социума, который не только вступает во взаимодействие с ней, но и наблюдает несоответствие артикулируемого ей идеала окружающей действительности и встает

перед проблемой их соединения. Практика попыток такого соединения меняет мир, но также, с одной стороны, меняет и его, а с другой – апробирует идеал, проверяя уже его способность выдержать удар соединения с действительностью. Если в столкновение с последней идеал сохраняет свое значимое ядро и меняет действительность, он утверждается в своем значении. Если, помимо неизбежного адаптационного изменения поля, меняется и ядро идеала либо сам он разрушается, то явление, казавшееся началом классической культуры как фактора политического сознания, либо остается явлением классического прошлого, либо теряет и историко-музейный характер.

Классическая культура в себе как явление культуры и фактор политического сознания сохраняет явления и воплощения всех названных ситуаций, но сама сохраняет свой статус и предикативность только в трех позитивных аналогах, которые могут быть ранжированы:

1. Классическая культура как источник производства идеалов, равновесных действительности.
2. Классическая культура как производство идеалов, готовых на сопротивление и гибель, но несущих катарсис и воспроизводство идеалов.
3. Классическая культура как создающая мир, много превышающий границы идеала.

Выше говорилось, что классическая культура как фактор политического сознания в своем воспроизводящем динамичной состоянии не есть довлеющий над социумом абсолют, но она и не есть узко специфичный национальный субстрат.

Существует ядро классической культуры мира как таковой, и вопрос в том, чтобы, с одной стороны, эта мировая классическая культура как фактор политического сознания не оказалась размыта и раздавлена валом постмодерна и массовой культуры как фактора политического сознания, а с другой стороны, чтобы во взаимообогащении классическими образцами не теряла собственное ценностное ядро и собственную самоидентификацию.

Понятие «классика» на сегодняшний день настолько вошло в обиходную речь, что, кажется, смысл его не вызывает сомнений. Классическая музыка, классическая живопись, классическая литература – давно уже эти словосочетания стали устойчивыми в русском языке. Однако не менее часто можно услышать и другие: классический рок, классический кинематограф, классическая фантастика. Есть и третья группа контекстных значений термина «классика»: здесь уже речь идет о классической эпохе, то есть о высокой Античности.

Можно заметить, что условия употребления термина «классика» весьма разнородны и, более того, расплывчаты. Углубившись в каждый из перечисленных типов значения, мы увидим, что внутри сообщества, использующего термин «классика», ведутся непрекращающиеся дискуссии о том, что можно причислить к «классике», независимо от того, говорим мы о классической живописи или о классическом роке.

Обратившись к этимологии термина, мы обнаружили, что слово «классика» происходит от латинского «classicus», означающего «образцовый, первоклассный». Как можно заметить, уже здесь намечается первое различие понятия «классическое». С одной стороны, речь идет о явлении образцовом, то есть представляющем собой некий канон, которому должно соответствовать все новое. С другой стороны, слово «classicus» имеет и иной аспект – аспект элитарности.

Представляется рациональным принять для дальнейшего уточнения первое значение этого слова – «образцовый». Однако что именно, какие именно явления могут быть приняты за образец – следующий вопрос.

Пытаться же дать очередное определение термину «культура» и вовсе бесполезно. «Полифункциональность понятия “культура”, – пишет Э.С. Маркарян, – есть прежде всего непосредственный результат многогранности выражаемого им феномена, которая естественно ведет к выработке различных установок и познавательных задач при его изучении. Например, теоретическая социология при изучении феномена культуры ставит одни познавательные задачи, этнография – другие, эмпирико-социологические исследования малых групп – третьи. ...Факт наличия различных познавательных задач при изучении феномена культуры сыграл далеко не последнюю роль в выработке имеющихся на сегодняшний день столь многочисленных, несходящихся, а порой и противоречащих друг другу определений данного феномена» [11, с. 126].

Вслед за ним В.М. Межуев отмечает познавательную способность культуры, причем экстраполирует ее не только на гуманитарное знание, но и на сферу естественно-математических наук [12, с. 4]. Помимо этого, в качестве двух важнейших факторов, сформировавших новую реальность XX в., он называет культуру и научно-технический прогресс.

Еще одну значимую черту культуры выявляет С. Бенхабиб: «Культура представляет собой совокупность элементов человеческой деятельности по осмыслению и репрезентации, организации и интерпретации, которая раскалывается на части конфликтующими между собой нарративами» [3, с. 53]. Таким образом, С. Бенхабиб выделяет уже не только функцию познания действительности посредством метафоры, но и еще три функции культуры как фактора политического сознания: 1) организации социума (или, иными словами, интеграции индивидов в единый социальный организм); 2) интерпретации действительности, то есть поиска смыслов в накопленном эмпирическом опыте; 3) репрезентации, то есть ретрансляции культурной памяти следующим поколениям.

В. Иноземцев, в свою очередь, следующим образом интерпретирует приведенное ранее определение: «Эта характеристика вполне отражает главную задачу культур: формирование той системы ориентиров, которая позволила бы человеку определить свое место в мире и идентифицировать себя с той или иной социальной общностью» [9, с. 9]. Таким образом, мы приходим к пониманию сущности культуры как фактора политического сознания в качестве средства самоидентификации индивида.

Представляется также весьма точно отражающим сущность культуры как фактора политического сознания определение Г.Н. Волкова: «Культура – понятие многосложное, трудно поддающееся однозначным определениям. Не вдаваясь в них, подчеркнем лишь главное: культура – это то созданное и накопленное человечеством богатство (материальное и духовное), которое служит дальнейшему развитию (культивированию), приумножению созидательных, творческих возможностей, способностей общества и личности или, говоря иначе, экономическому, социальному, политическому прогрессу» [5, с. 5].

Методы. Чтобы ответить на ранее поставленный вопрос о критерии отбора «образцов» культуры как фактора политического сознания, необходимо углубиться в изучение теории культуры как фактора политического сознания и выявить ее основные функции как системы.

Для решения этой задачи представляется рациональным воспользоваться разработанным Т. Парсонсом универсальным аналитическим инструментом, предназначенным для анализа социокультурных систем и получившим название «AGIL-схема» [15].

Анализ. AGIL-схема предполагает наличие у любой системы четырех функций.

A – адаптация. Система должна быть адаптирована к окружающей среде. Например, социальная система должна быть приспособлена к особенностям природы человека как биологического организма и как личности, к особенностям физико-органической среды обитания людей, чью жизнедеятельность данная система организует и упорядочивает, к особенностям культуры как системы политических ценностей.

G – целеполагание. Система должна быть саморегулируемой, то есть при изменении в окружающей среде в системе должны вырабатываться цели (направления изменений структуры) и функционировать механизмы реализации этих целей.

I – внутренняя интеграция элементов согласия. Система должна быть внутренне интегрирована, то есть между ее элементами должны поддерживаться устойчивые связи и функционирование элементов должно быть скоординированным.

L – воспроизводство латентных образцов – базовых поведенческих образцов и нормативных целей, сохранение базового образца, сохранение охраняющих и контролирующих систему структур.

Последняя функция подразумевает два аспекта: 1) воспроизведение старых ценностей и целей; 2) воспроизведение новых латентных образцов и целей, не противоречащих старым и согласованных с выполнением первых трех функций, то есть служащих интеграции, целеполаганию и адаптации элементов внутри системы или элементов по отношению к внесистемным явлениям.

В ряде работ схема применялась не только для описания социальных систем, но и для характеристики политической культуры (см., например: [13]). Представляется возможным сделать следующий шаг и рассмотреть в ее призме и систему культуры как фактора политического сознания в целом. Таким образом, мы получим следующий результат.

A – культура как фактор политического сознания в лучших, канонических своих образцах призвана обеспечивать адаптацию индивида в окружающей среде, проводить первичную социализацию и способствовать психической адаптации человека в социуме.

G – культура как фактор политического сознания в лучших, канонических своих образцах проектирует цели, конструирует идеалы, к которым человек затем, зачастую подсознательно, стремится всю последующую жизнь.

I – культура как фактор политического сознания в лучших, канонических своих образцах обеспечивает взаимоинтеграцию индивидов между собой и их интеграцию в социум, создает систему ценностей, единую для социума.

L – культура как фактор политического сознания в лучших, канонических своих образцах воспроизводит латентные образцы, определяющие поведение и границы дозволенного.

Т. Парсонс использует определение «латентное» в отношении поддержания образца, чтобы подчеркнуть, что стабилизация структуры системы происходит неявно, посредством усвоения людьми ценностных ориентаций и норм поведения в качестве естественных, само собой разумеющихся.

Как и в случае с системами в целом, в случае с культурой как фактором политического сознания функция производства латентных образцов подразделяется на две подфункции: поддержание старых образцов и создание новых, не противоречащих существующей системе ценностей. Появление последних обусловлено зарождением новых явлений, которые также должны быть вписаны в существующую систему. Процесс развития культуры как фактора политического сознания, таким образом, продолжается, но ее ядро остается неизменным. Отдельным и неоднозначным является вопрос о сжимании этого ядра, однако к данному исследованию он имеет отношение опосредованное, так как при всем пикете к научно-техническому романтизму как тенденции культуры как фактору политического сознания необходимо признать, что он скорее входит в поле, составляющее классическую культуру как фактор политического сознания, чем в ее ядро. Однако в то же время по отношению к системе культуры как фактора политического сознания в целом, где ядром является классическая культура как фактор политического сознания, а полем – культура массовая, также, впрочем, являющаяся фактором политического сознания, научно-технический романтизм уже занимает место составной части ядра.

На протяжении последних двадцати лет представления о культуре как факторе политического сознания и ее роли в жизни общества были в значительной мере разрушены, представления о ее функциях затерлись, и сам вопрос, должна ли культура влиять на политическое сознание, формировать латентные образцы, ценности и цели, должна ли она быть общей для всего социума, оказался лишен

ответа, хотя этот ответ был дан Т. Парсонсом уже давно. Соответственно, и более частные вопросы, такие как границы классической культуры и понятие самого термина «классика», оказались размыты. Представляется рациональным вернуться к давно утвержденной истине и далее, следуя ей, восстановить определения названных понятий.

Если мы говорим о том, что культура как фактор политического сознания должна выполнять четыре названных функции (адаптации, интеграции, целеполагания и поддержания латентных образцов), и при этом имеем в виду два аутентичных толкования термина «classicus» (образцовый, то есть формирующий канон, и первоклассный, то есть наиболее совершенный), то, сложив эти два утверждения, приходим к выводу, что классическая культура – это культура, выполняющая функции адаптации, интеграции, целеполагания и сохранения (а также формирования новых) латентных образцов в лучшем виде, формирующая каноны, образцы выполнения этих функций в лучшем виде.

Таким образом, можно выделить основополагающие принципы классической культуры как фактора политического сознания: классическая культура – это та культура, которая в наибольшей степени обеспечивает индивиду возможность адаптироваться к окружающей среде и интегрирует его в общество, дает ему ответы на стоящие перед ним вопросы: о целях, которые он может и должен ставить перед собой, о средствах для достижения этих целей (латентные поведенческие образцы), о ценностях, которые он должен сохранять в процессе движения к целям. Фактически классическая культура как фактор политического сознания, будучи всеобъемлющей, с одной стороны, оказывается художественным, метафорическим аналогом философии, которая, согласно наиболее аутентичным трактовкам термина, призвана давать человеку представления обо всем окружающем его мире, с другой стороны, проектирует для субъекта восприятия культуры как фактора политического сознания полный жизненный путь, отвечает на вопросы: к чему следует стремиться, как этого добиться и каковы границы дозволенного в процессе этого достижения.

Нужно отметить, что зачастую классическую культуру в обиходе и даже в научно-популярной, учебной литературе сопоставляют с культурой древней, ушедшей в прошлое, полностью исключая при этом из нее современный компонент.

Так, существует, к примеру, следующая типологизация культуры:

- традиционная – культура народа, этническая, развивающаяся медленно и сохраняющая национальные ценности;

- культура классическая, носителем которой являлась аристократия;

- культура массовая, современная, пришедшая на смену традиционной и идущая вслед за потребностями масс индивидов-потребителей.

Такое разделение является в корне неверным, как и любое разделение, основанное на хронологии, признающее классическим только старое или только сохраняющее ценности, но не обновляющее их.

Как следует из приведенной ранее схемы, культура как фактор политического сознания выполняет не только функцию сохранения латентных образцов, но и функцию формирования новых образцов, органично дополняющих старые и не уничтожающих их. Классическая культура как фактор политического сознания должна служить образцом для массовой культуры в сфере создания таких образцов. Если же она отказывается от этой функции, то вместе с ней, как правило, утрачивает и функцию целеполагания, ограничивая себя только необходимостью сохранения традиций, и, таким образом, превращается в культуру традиционную.

Под классикой часто понимают также культуру, «проверенную временем», и, хотя эта позиция выглядит более обоснованной, она также характеризует лишь поверхностный компонент. Классическая культура как фактор политического сознания становится классической независимо от того, создана она в период Античности, Нового времени или в наши дни. Ее сущностная черта – способность служить образцом и выполнять четыре перечисленные функции AGIL-схемы. Однако если мы можем с относительной уверенностью говорить о том, что этому критерию соответствует творчество М. Лермонтова или

А. Пушкина, то, когда речь заходит о творчестве современников, мы вступаем на неизведанную почву, так как здесь мы не можем сослаться на поэтическую категорию «времени» и более научную – социальной памяти. Современная культура как фактор политического сознания до сих пор не подвергалась анализу на предмет соответствия критериям классического, но тем актуальнее становится необходимость такого анализа.

Отдельно имеет смысл остановиться на компаративном анализе философии и классической культуры как фактора политического сознания, так как эти два явления воплощают в себе два способа познания мира.

Объектом исследования философии являются и природа, и человек, и общество, то есть она затрагивает все три уровня осмысления реальности.

Классическая культура как фактор политического сознания также производит осмысление явлений трех уровней – социального, межличностного и внутреннего (психологического), то есть объект осмысления классической культуры как фактора политического сознания аналогичен объекту осмысления философии – это среда, социум и человек.

Говоря о предмете изучения философии, обычно выделяют: онтологию – учение о мире в целом; гносеологию – учение о познании мира; философскую антропологию – философское учение о человеке; социологию – учение о жизни общества; этику – учение о морали, и некоторые другие аспекты.

Аналогичен и предмет осмысления классической культуры как фактора политического сознания. В поле ее интересов входят проблемы взаимодействия человека и природы, человека и общества, человека и семьи, человека и человека, внутренние конфликты человека и вопросы этики.

Коренным различием между философией и классической культурой как фактором политического сознания становится метод познания реальности. Философия ложится в основу научного осмысления реальности, ее метод строго рационален и логичен.

Методом классической культуры как фактора политического сознания являются метафора и художественное проектирование. Она наследует мифологическому мировоз-

зрению и развивает его подходы. Так, анемический символ «медведь» носителем дологического мировоззрения воспринимается как полное олицетворение леса и дикой природы, для субъекта же классической культуры как фактора политического сознания «медведь» – метафора силы, леса, первозданной природы, однако олицетворения здесь не происходит, и квалифицированный читатель всегда знает, что метафору не следует трактовать буквально. Развивая эмоциональные методы осмысления реальности, классическая культура как фактор политического сознания получает ряд преимуществ над философией, хотя и обладает рядом не присущих философии недостатков.

Безусловно, попытки соотнесения науки и культуры как фактора политического сознания с целью поиска общих оснований этих двух явлений неоднократно подвергались критике.

Так, Ч.П. Сноу фиксирует раскол между «гуманитарной и естественно-научной культурами» на две части, являющих собой как бы два полюса, две «галактики» [17]. Однако если вчитаться в его аналитическую статью более внимательно, то можно увидеть следующую оценку ситуации: «...на одном полюсе – художественная интеллигенция, на другом – ученые, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания и иногда (особенно среди молодежи) стена непонимания и вражды, но главное, конечно, непонимания. У них странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общий язык даже в области чувств» [17, с. 197]. Нужно уточнить, что наблюдения Ч.П. Сноу относятся к ситуации, сложившейся среди западной молодежи 50–60-х гг. XX в., хотя необходимо признать, что и в советской интеллектуальной среде 60-х гг. можно наблюдать схожие явления. Однако на сегодняшний день, во-первых, общество настолько поглощено другими антитезами, что застарелое непонимание представляется отжившим свое: наука и культура сегодня находятся в одинаково сложном положении, если мы говорим о фундаментальной науке и классической культуре.

Во-вторых, суть сказанного Ч.П. Сноу состоит не только в декларировании разделен-

ности интеллектуальной элиты на два полюса (естественно-научный и гуманитарно-художественный), но и в том, что уже тогда, с его точки зрения, проблема заключалась в непонимании и языковом различии, но не в различии в области постановки целей.

Кроме того, уже в середине 80-х гг. ряд исследователей опровергают его точку зрения и отмечают взаимосвязь между культурой как фактором политического сознания и философией. Так, к примеру, Г.Н. Волков в своем исследовании природы культуры пишет: «...философия и гуманитарные науки, к ней тяготеющие, не укладываются ни в культуру естественную, ни в художественную, обладают своим специфическим способом освоения мира, и потому составляют, пожалуй, не менее суверенную – третью “галактику”» [5, с. 11].

В этом отношении также особо интересно тонкое замечание Х. Ортеги-и-Гассета, который фиксировал инструментальную значимость художественных приемов в политическом познании. Он называет метафору незаменимым орудием разума, формой научного мышления. Новое понятие, как он поясняет, ничего не говорит окружающим. И ученый или мыслитель, создавая или открывая новое, всегда оказывается вынужден найти ему некое имя, которое формально будет не вполне точным с научной точки зрения, но наиболее понятно сможет выразить это приемлемым для аудитории языком. Х. Ортега-и-Гассет подмечает, что без метафоры вообще сложно мыслить о недоступных для рационального осмысления предметах, и в этом отношении определяет метафору как «действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и недостижимого. Метафора удлиняет радиус действия мысли, представляя собой в области логики нечто вроде удочки или ружья» [14, с. 205]. То есть художественные приемы на определенном этапе оказываются необходимы для научного осмысления и научного понимания и предсказания познаваемого.

Метафорические и художественные формы оказываются носителями как инструментария научного познания, так и соединения

двойных смыслов – политических и художественных, поля их наложения и синтеза.

Итак, первым преимуществом классической культуры как фактора политического сознания по отношению к философии становится ее опережающий характер. Классическая культура как фактор политического сознания посредством метафоры производит осмысление тех явлений, которые еще не может проанализировать и систематизировать наука. Как подсознание является опытом, не поднявшимся в осознание, так и содержание классической культуры как фактора политического сознания – опыт образного, метафорического осмысления тех явлений, которые пока не могут быть осознаны на рациональных основаниях. С этой точки зрения классическая культура как фактор политического сознания – своеобразный авангард науки. И особенно ярко эта тенденция проявляется в различных поджанрах научной фантастики, так как фантастичность художественных образов позволяет увеличить разрыв между сегодняшним знанием и тем, которое в осознание еще не поднялось.

Характеризуя философию, часто обозначают ее элитарный характер. Познание философских истин требует исключительно рационального склада ума, способности к формированию отвлеченных понятий, которая развита не у каждого.

В отличие от философии, классическая культура как фактор политического сознания апеллирует не к разуму, а к эмоциям. Она позволяет обмениваться накопленным опытом и заново сформированными категориями, минуя рациональный этап осознания, напрямую передавая их от субъекта к субъекту.

Все познание реальности посредством философии ограничено двумя логическими методами – дедукцией и индукцией, которые, соединяясь, формируют множество более частных научных методов.

Классическая культура как фактор политического сознания не разделяет познавательные методы на индуктивные и дедуктивные, посредством частного она проводит аналогии, олицетворяет более общие явления и, выводя частные закономерности, ставит вопрос о возможности их распространения на общее. Однако если философия требует логи-

ческого обоснования перехода от частного к общему и обратно в каждом конкретном случае, то классическая культура как когнитивный метод оперирует допущениями, что позволяет ей существенно расширить поле производимого анализа. Можно было бы сказать, что в противовес философии такой подход снижает степень ее достоверности, но это не так, потому что критерием достоверности здесь, как и в науке, выступает практика: зритель соотносит увиденное с собственным опытом, и, если аргументы сопоставимы с этим опытом, они находят у зрителя эмоциональный отклик, рассказанная история воспринимается как достоверная.

В этом смысле можно говорить о том, что классическая культура как индуктивный метод до определенной степени использует собственную прецедентную логику, логику аналогий: достоверным считается то, что имеет аналогии в жизни. Однако это не совсем так, и вопрос о достоверности в культуре заслуживает отдельного, более подробного рассмотрения, в которое автору исследования хотелось бы углубиться уже в других работах.

Здесь же следует ограничиться определением тех контуров проблемы, которые были намечены ранее, и вернуться еще раз к вопросу о соотношении рационального и иррационального методов познания.

Разделение здесь не настолько четко, как может показаться на первый взгляд. Философия неоднократно обращалась к вопросам осмысления категорий «познание» и «озарение». Существует множество теорий относительно того, как работает механизм открытия нового, можно даже выделить отдельное направление философии – философию творчества. Схожие проблемы исследует и философия науки. Однако все попытки рационального осмысления момента творчества не приводят к успеху, потому как ограничены собственными методами дедукции и индукции. Дедуктивный и индуктивный методы в принципе не позволяют создать новое, то, чего сознание человека не содержит, соответственно не позволяют они новое и открыть. Момент творчества или момент открытия по природе своей иррационален, он представляет некую случайную мутацию не связанных друг с дру-

гом идей, синтез которых и продвигает науку на ступень вперед, в то время как дедуктивный и индуктивный методы позволяют лишь освоить вновь открытое пространство.

Таким образом, в основе философии, как и любой науки, лежит момент иррациональности, случайности, и момент этот становится тем значимее, чем дальше наука продвигается вперед.

Обращаясь к метафорам, можно сказать, что дедукция и индукция представляют собой движение по плоскости маленькими шажками, длина которых не изменяется с течением времени, так как последовательность логических выводов требует соблюдать ту же длину шага, что и тысячи лет назад. В то же время иррациональный момент творчества, заключенный в случайном удачном синтезе разных идей, способен продвинуть науку сразу на несколько «световых лет» вперед.

Чем больше продвигается наука вперед, тем большие «расстояния» она вынуждена осваивать за короткие периоды времени. Массив же накопленных знаний достигает такого предела, что освоение их «маленькими шажками» становится невозможным. Все более значимым становится момент творчества, момент открытия. И таким образом, философия, как и наука вообще, вынуждена все более отступать от законов жесткой логики.

Еще Дж.К. Максвелл отмечал методологическое значение оборотов речи и мышления, позволяющих перенести терминологию из одних областей науки в другие, которые можно было бы назвать «научными метафорами» [10, с. 17]. Ф.И. Гиренюк также обращает внимание на все большее взаимопроникновение этих двух способов познания [7].

В свою очередь классическая культура как когнитивный метод по мере своего развития в силу тех же тенденций все более отступает от первобытной, мифологической иррациональности. Так, мифология Древнего Египта, не подчиняющаяся законам индукции и дедукции, сегодня воспринимается человеком с трудом, в отличие даже от мифологии Древней Греции, носители которой уже были в определенной степени знакомы с философией.

Другой аспект явления заключается в том, что выделяется ряд прикладных отраслей научного знания, связанных с изучением

закономерностей построения сюжета в художественной истории, композиции в музыкальном произведении, закономерностей создания вымышленных персонажей, закономерностей взаимодействия классической культуры и индивида. Таким образом, научное, рациональное знание вторгается в зону иррационального осмысления мира, приводя как к положительным, так и к отрицательным последствиям.

Независимо от характера этих последствий мы можем видеть, что происходит определенное сближение философии и классической культуры как когнитивного метода, которое на определенном этапе формирует такое литературно-философское течение, как научно-технический романтизм.

В начале прошлого века Э. Альбрехт писал: «Необходимость исключения из всех научных определений метафор понимается сама собой» [18, S. 164], а известный философ и методолог науки М. Бунге подчеркивал: «Поэты, теологи и специалисты магии используют метафоры и аналогии, с помощью которых они рассуждают о предметах, ускользающих от непосредственного описания или, возможно, даже от рационального понимания. Но наука не теодицея и не черная магия... Предполагать, что научное объяснение метафорично, – значит путать научную теорию с библейскими притчами...» [4, с. 165]. Однако уже в 50-х гг. XX в., как отмечает Г.С. Баранов, происходит резкое изменение отношения к метафоре и ее роли в научном познании [2, с. 4–5].

Одной из основных функций метафоры в науке Г.С. Баранов считает решение следующих проблем: 1) проблемы понимания вновь вводимых высокоабстрактных конструктов и теорий; 2) проблемы образования и развития новых научных понятий; 3) проблемы концептуальной преемственности между «несоизмеримыми» научными теориями и парадигмами».

Невозможно не отметить, что наблюдения, сделанные Г.С. Барановым о роли метафоры в научном познании, относятся именно к десятилетию, которое стало периодом актуализации поисков путей синтеза рационального и иррационального метода в науке и расцвета научно-технического романтизма в СССР как одной из форм этого синтеза. Схо-

жие тезисы высказывают и другие авторы [1; 6; 8; 16].

Специфика обозначенного явления отражена в самом его названии: научно-технический романтизм заимствует логические методы у естественных наук и посредством их моделирует социальные и политические тенденции в художественных произведениях. Пользуясь научными методами компаративистики, научно-технический романтизм тем не менее не отказывается от метафоры как средства прорывного познания и целью своей ставит прогнозирование ближайших политических событий, характерное для политологии, а также посредством момента творчества, фантастического, иррационального элемента пытается заглянуть в далекое будущее, построить модели стратегического, а не тактического развития.

Попытка заглянуть в будущее выступает одной из характерных черт научно-технического романтизма как формы художественного творчества, однако эта черта не является единственной.

Научно-технический романтизм ориентирован в первую очередь на осмысление актуальных проблем в художественной форме, причем содержание этих проблем меняется с течением времени: если Ж. Верн в своем творчестве ставит вопросы противостояния человека и природы, то И. Ефремов уже переходит к вопросам конструирования идеального общества и анализа многообразия человеческой природы, а более поздние представители научно-технического романтизма делают акцент на развитии межличностных и внутрипсихологических проблем.

Научно-технический романтизм реализует все четыре перечисленные функции классической культуры как фактора политического сознания.

А – занимается поиском способов адаптации человека к стремительно меняющемуся миру XX–XXI веков. В этом смысле он обращается к проблемам, которые зачастую недооценивает традиционная культура, но которые находятся в поле внимания культуры классической как фактора политического сознания, так как весьма актуальны на сегодняшний день.

Попытки таких поисков осуществлялись и в рамках науки, породив науку футурологию,

однако футурология оказалась ограничена методами логического познания и потому смогла лишь очертить контуры встающих перед человеком проблем. Футурология пошла путем позитивизма, полностью исключив из познания иррациональный компонент. Научно-технический романтизм, одним из проявлений которого стала художественная футурология, как видно из самого названия, не ограничился методами дедукции и индукции. Прибавив к ним такое средство познания реальности, как метафора, он смог продвинуться вперед гораздо дальше, но в силу ряда социальных и политических обстоятельств окончательного ответа найти не успел.

G – научно-технический романтизм занимается конструированием идеалов, как этических, так и политических и социальных. В этом плане он покрывает то поле, которое часто выпадает из внимания традиционной культуры как фактора политического сознания, так как она делает акцент на более частных идеалах, идеале человека например, но практически исключает из поля зрения идеалы общества.

В то же время использование методов классической культуры как когнитивного метода позволяет научно-техническому романтизму превзойти в этой области социалистические теории, сделать модели общественного устройства более доступными для понимания неподготовленным индивидом, а модели идеального человека – более достоверными.

I – научно-технический романтизм на определенном этапе стал силой, интегрировавшей общественные ожидания и государственные задачи в СССР и позволившей совершить научный и социальный рывок в конце 50-х – начале 60-х гг XX века. Возможности его в этой сфере представляются не использованными до конца. Внедрение идей научно-технического романтизма сегодня позволило бы, возможно, повторить успешный опыт и совершить новый научный и производственный рывок.

L – научно-технический романтизм выполняет функцию сохранения и формирования латентных образцов в двух аспектах, тем самым покрывая собой задачи классической культуры как фактора политического сознания и философии как когнитивного метода.

С одной стороны, как и классическая культура, научно-технический романтизм сохраняет этические идеалы прошлого, адаптируя их к сегодняшней среде без разрушения ценностной основы. В этом смысле научно-технический романтизм наследует романтизму XIX в. и противостоит тенденциям натурализации искусства, стремления отображать реальность, вместо того чтобы формировать идеал.

С другой стороны, как и философия, научно-технический романтизм уходит в поле поиска новых этических идеалов, новых ценностей, наследующих уже существующим.

Результаты. Таким образом, научно-технический романтизм, объединяя в себе достижения философии и классической культуры как двух факторов политического сознания и когнитивных методов, используя как методы дедукции и индукции, так и методы метафоры и художественного моделирования, становится наиболее прогрессивным способом познания реальности из существующих на сегодняшний день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, К. И. Метафора в научном дискурсе / К. И. Алексеев // Психологические исследования дискурса / отв. ред. Н. Д. Павлова. – М. : ПЕРСЭ, 2002. – С. 40–50.
2. Баранов, Г. С. Научная метафора. В 2 ч. Ч. 1 / Г. С. Баранов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1992. – 200 с.
3. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М. : Логос, 2003. – 350 с.
4. Бунге, М. Философия физики / М. Бунге. – М. : Прогресс, 2003. – 342 с.
5. Волков, Г. Три лика культуры / Г. Волков. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 335 с.
6. Галкина, О. В. Роль метафоры в науке и научной терминологии / О. В. Галкина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rgf.tversu.ru/node/485> (дата обращения: 06.08.2017). – Загл. с экрана.
7. Гиренюк, Ф. И. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое / Ф. И. Гиренюк. – М. : Проспект, 2016. – 256 с.
8. Деменский, С. Ю. Научность метафоры и метафоричность науки / С. Ю. Деменский. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2000. – 115 с.

9. Иноземцев, В. Испытание культурой / В. Иноземцев // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 3. – С. 181–189.
10. Максвелл, Дж. К. Статьи и речи / Дж. К. Максвелл. – М. : Наука, 1968. – 227 с.
11. Маркарян, Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1973. – 147 с.
12. Межуев, В. М. Культура и история : Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма / В. М. Межуев. – М. : Политиздат, 1977. – 199 с.
13. Никлаус, А. А. Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России : дис. ... канд. полит. наук / Никлаус Анна Александровна. – М., 2013. – 200 с.
14. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
15. Парсонс, Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология. – 1994. – Вып. 2. – С. 79–103.
16. Полозова, И. В. Метафора как средство философского и научного познания : дис. ... д-ра филос. наук / Полозова Ирина Владимировна. – М., 2003. – 346 с.
17. Сноу, Ч. П. Две культуры и научная революция / Ч. П. Сноу. – М. : Прогресс, 1985. – С. 195–226.
18. Albrecht, E. Sprache und Philosophie / E. Albrecht. – Berlin : Dt. Verl. d. Wiss., 1975. – 327 S.

REFERENCES

1. Alekseev K.I. Metafora v nauchnom diskurse [Metaphor in the Academic Discourse]. Pavlova N.D., ed. *Psikhologicheskie issledovaniya diskursa* [Psychological Studies of Discourse]. Moscow, PERSE Publ., 2002, pp. 40-50.
2. Baranov G.S. *Nauchnaya metafora. V 2 ch. Ch. 1* [Scientific Metaphor. In 2 Parts. Part 1]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1992. 200 p.
3. Benhabib S. *Prityazaniya kultury. Ravenstvo i raznoobrazie v globalnuyu eru* [The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era]. Moscow, Logos Publ., 2003. 350 p.
4. Bunge M. *Filosofiya fiziki* [Philosophy of Physics]. Moscow, Progress Publ., 2003. 342 p.
5. Volkov G. *Tri lika kultury* [Three Faces of Culture]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986. 335 p.
6. Galkina O.V. *Rol metaforoy v nauke i nauchnoy terminologii* [The Role of Metaphor in Science and Scientific Terminology]. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/485> (accessed 6 August 2017).

7. Girenyuk F.I. *Klipovoe soznanie: klipy v nauke, klipy v filosofii, klipy v politike, klipy v iskusstve, klipy v obrazovanii, neklipovoe* [Clipping Consciousness: Clips in Science, Clips in Philosophy, Clips in Politics, Clips in Art, Clips in Education, Nonclipping]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 256 p.

8. Demenskiy S.Yu. *Nauchnost metafory i metaforichnost nauki* [The Scientific Nature of Metaphors and the Metaphorical Nature of Science]. Omsk, OmGTU Publ., 2000. 115 p.

9. Inozemtsev V. Ispytanie kulturoy [Test with Culture]. *Rossiya i musulmanskij mir*, 2003, no. 3, pp. 181-189.

10. Maxwell J.K. *Statyi i rechi* [Articles and Speeches]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 227 p.

11. Markaryan E.S. *O genezise chelovecheskoy deyatel'nosti i kultury* [About the Genesis of Human Activity and Culture]. Erevan, Izd-vo AN Arm. SSR, 1973. 147 p.

12. Mezhuhev V.M. *Kultura i istoriya: Problemy kultury v filosofsko-istoricheskoy teorii marksizma* [Culture and History: Problems of Culture in the Philosophical and Historical Theory of Marxism]. Moscow, Politizdat Publ., 1977. 199 p.

13. Niklaus A.A. *Sotsiokulturnye tsennostnyye osnovaniya kak regulativnyy komponent transformatsii politicheskogo protsessa postsovetskoy Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [The Sociocultural Value Base as a Regulatory Component of the Transformation of Political Process of Post-Soviet Russia. Cand. polit. sci. diss.]. Moscow, 2013. 200 p.

14. Ortega-i-Gasset H. *Estetika. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 588 p.

15. Parsons T. Nekotorye problemy obshchey teorii v sotsiologii [Some Problems of General Theory in Sociology]. *Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Modern Western Theoretical Sociology], 1994, no. 2, pp. 79-103.

16. Polozova I.V. *Metafora kak sredstvo filosofskogo i nauchnogo poznaniya: dis. ... d-ra filos. nauk* [Metaphor as a Means of Philosophical and Scientific Knowledge. Dr. philos. sci. diss.]. Moscow, 2003. 346 p.

17. Snou Ch.P. *Dve kultury i nauchnaya revolyutsiya* [The Two Cultures and the Scientific Revolution]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 195-226.

18. Albrecht E. *Sprache und Philosophie*. Berlin, Dt. Verl. d. Wiss., 1975. 327 p.

Information about the Author

Yuliya S. Chernyakhovskaya, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Leading Researcher, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Bersenevskaya Emb., 20, 115408 Moscow, Russian Federation, Julcher1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0063-7365>

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Черняховская, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Берсенеvская наб., 20, 115408 г. Москва, Российская Федерация, Julcher1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0063-7365>